

В.А. Ткачук

Изменение состава элиты Московского царства в XVI в.

Формирование политической элиты Московского государства отражает механизм закладывания государственных основ. Политическая элита в государстве явилась основным исполнителем царской воли. На боярах и князьях лежала ответственность за расширение государственных пределов, поддержание спокойствия в присоединенных территориях, сбор налогов и пополнение государственной казны. Сам государственный аппарат, оформленных реформами Избранной Рады в форме приказов, держался исключительно на боярстве. Исследование политического курса Ивана IV в отношении элиты освещает скрытые для поверхностного наблюдателя механизмы государственного строительства.

Князь А. Курбский, говоря в своей истории царя Ивана о славных годах его царствования, замечает, что тогда пределы христианские расширялись «и на диких полях древле плененные грады от Батыя безбожного паки воздвигахуся» [1, с. 123]. Из центрального междуречья население не только начало спускаться вниз по Волге к юго-востоку, особенно после завоевания Казани и Астрахани, но и пошло прямо на юг вниз по Дону, перебиралось с верховьев Оки на верховья Семи, а отсюда на верховья Донца и Оскола. На появление русского земледельческого населения в этих краях, много веков остававшихся заброшенными, явственно указывают возникшие для его защиты в конце XVI в. города Кромь, Ливны, Воронеж, Курск, Оскол, Белгород, Валуйки. Здесь перед царской властью становится актуальной проблема ассимиляции аристократии из присоединяемых татарских земель в московское боярство.

Из летописных рассказов и родословных известно, что выходцы из Орды появлялись при дворе московского князя с начала XIV в. Это и история о выходе на службу к московскому князю мурзы Чета (Захария), и родословные легенды Телебугиных, Мячковых и т.д. Во время междоусобной войны XV в. татарские царевичи, в числе которых был Касим, остались верны Василию II [2, с. 6]. У Касима было свое княжество на Мещере, возле Муром, татарские царевичи регулярно, судя по записям в разрядной книге, участвовали в военных походах русских войск. Установленным фактом является то, что служилые татары участвовали в Ливонской войне, охране границ России [3, с. 54–56].

В.В. Трепавлов в своей монографии «Тюркская знать в средневековой России» отмечает, что в начале

XV в. после распада Орды на ряд самостоятельных государств процесс перехода тюркской знати на службу к московскому великому князю усилился [4, с. 128]. Впервые летописи подробно освещают процесс перехода группы знатных ордынцев в Москву довольно поздно – в начале 90-х гг. XIV в. Тогда, после победы эмира Тимура «изъ Шамахейския земли» над войсками хана Орды Тохтамыша, приближенные последнего: Бахты-хозя, Кидырь-хозя и Мамат-хозя в 1392 г. – «били челомъ великому князю въ службу». Татар из ханского окружения привели к митрополиту. Киприан «крести их и нарече им имена в святом крещении: Анания, Азария, Мисаиль» [5, с. 132]. Очередная «замятня» в конце XIV – первой трети XV в. в Орде побудила к подчинению (князья Мещерские [6, с. 377–378]) или отъездам в Литву и на Русь уже не только представителей титулованной аристократии (князья Менские, Долгольдовы), но и самих Джучидов. Так, например, в 1407–1408 гг. в Москве находились сыновья Тохтамыша царевичи Джелаль-Еддин и Керим-Берды. Хан Улуг-Мухаммед зимовал в 1437–1438 гг. в Белеве, а в 1439 и в 1445 гг. находился в Нижнем Новгороде. Сын хана Худайдата царевич Бердедат был принят на службу Василием II. Согласно распространенной практике такие политические эмигранты предлагали великим князьям в заложники не только своих сыновей и родственников, но и князей и «двор». Служба при дворе правителя Руси также являлась одним из условий договора [7, с. 6]. Бывшие цари и царевичи обязались охранять южные границы Великого княжения, отказываясь здесь от права сбора «выхода» до тех пор, пока не возвратят себе власть в Орде [8, с. 149–150]. Служилые татары проникают вглубь страны. В 1446 г. вместе с великим князем на Русь выезжают на службу и кормление 500 ордынцев хана Улуг-Мухаммеда [9, с. 27].

Сложившаяся система взаимоотношений с татарами на службе и царя предполагала наличие сопровождения из числа незнатного дворянства или бояр, так называемую систему двойного воеводства. В разрядных книгах эти люди упоминаются наравне с татарами: «С служилыми татары Григорий Никитин сын Сукин» [10, с. 155]. Иногда в качестве сопровождения с татарами посылали и знатных князей.

В 1559 г. с татарами в военный поход посылали князя Телятевского: «Да в передовом же полку князь Ондрей Петрович Телятевской с царевым Шиголеевым двором. Да в передовом же полку воевода Борис

Иванов сын Сукина с казанскими з горными и с луговыми людьми» [10, с. 176].

Царь способствует перемешиванию пришлой знати из присоединенных территорий с титулованными московскими боярами. Разрядная книга сообщает о воеводе большого полка князе Иване князь Мавкошеве сыне Теукечева» [10, с. 176]. Московские бояре в свою очередь наместничают в бывших землях татарских царевичей. В 1559 г. князь Палецкий годовал в Казани [10, с. 177].

В состав знати московского государства входит большое число выходцев из присоединяемых земель, в частности татарской знати. Эта знать участвовала в походах русских войск на Казань. В 1548 г. на Казань вместе идут Бельский и Шигoley [11, с. 155], а уже в 1551 г. шли туда в русском войске «казанские князи и мырзы», разрядная книга особо упоминает, что «царь с тем прислал дворецкого своего Шабаса князя Шамова» [11, с. 164].

После взятия города «Шигoley становится наместником в завоеванной Казани и объединяет вокруг себя татарскую знать» [11, с. 171]. Среди покоренных татарских мурз Иван Грозный также проводит чистку, после чего они включаются в состав московской знати. Летопись пишет, что после завоевания Казани Иван Грозный велел «побить» «неугодных» ему татар [11, с. 172]. Грозный раздает вотчины самому Шигoley и его союзным мурзам [11, с. 176]. Однако такое доверие к татарской знати не было безусловным, их во всех военных и дипломатических походах постоянно сопровождал кто-либо из русских. Во время возглавляемого Шигoleyем похода на Казань «у царя Шигoley Михайло Михайлович Тучков» [10, с. 131]. Знатность сопровождающего, очевидно, зависела от родovitости сопровождаемых татар. С простыми служилыми татарами едет человек, скорее всего дворянского звания. «А з служилыми татараы Борис Иванов сын Сукин, да Григорей Микитин сын Сукин» [10, с. 131].

Татарская знать не была избалована местничеством и старалась хорошо служить царю. За это Иван IV старается всячески жаловать их. В 1553 г. Грозный в своем письме назвал Шигoley «братом нашим» [11, с. 220]. Такое отношение к пришлой знати вызывает её приток в государство, вскоре после пожалования Шигoleyа к царю перешли под покровительство «черкесские князи» [11, с. 228]. Отношения Москвы с черкесскими князьями завязываются непосредственно после взятия Казани. В Москву явился Амашук с товарищами и просил «чтобы их пожаловал государь, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил». В 1555 г. в Москву прибыл князь Сибок с товарищами «ото всей земли Черкесские» с просьбой «оборонить» их от турецкого султана. При этом князь Тутарык и сын Сибока Кудадек изъявили желание креститься [12, с. 296], поэтому черкесская знать входит в состав московской элиты наравне с татарской.

В 1555 г. летопись сообщает о переходе под покровительство московского царя хана Астрахани, скорее из-за военного давления, чем добровольно, «и царь Дербышь и з детьми и вся земля пришли во Асторохань и государю в холопстве учинишся» [10, с. 258].

Пришлая знать активно ассимилируется с местной. Сын Сафа-Гирея – казанского царя – Утемишь-Гирей, в крещении стал царем Александром [10, с. 226]. В 1563 г. Александр Сафа-Гиреевич упоминается как ближний воевода царя во время похода на Ливонию [10, с. 349]. В 1554 г. Иван Грозный женит «казанского царя» Симеона на дочери боярина Кутузова Марье [10, с. 235].

В 1556 г. был издан «приговор государев» о распределении должностей в войске «без мест», назначен смотр по полкам: государь велел «детям боярским сойтись по спискам» [10, с. 270]. На этот смотр прибыли служилые татары и привели своих соплеменников. В 1558 г. с помощью Шигoleyа ко двору приближены мурзы Уразлыи – князь Кабарова, Мангит и Семенмурза [10, с. 289]. Эти татары поступают на службу к царю и назначаются воеводами в военные походы. «Того же лета послал царь и великий князь на ливонские немцы зимою царя Шигoleyа Шигелеяровича да царевича крымского Тахтамыша, да астраханского царевича Кайбулу Ахтубекова сына; а с царем Шигoleyем бояр и воевод князя Ивана Васильевича Глинскова и иных бояр и воевод, и были в Ливонской земле по полком: в большом полку царь Шигoleyа, бояре и воеводы, князь Михайло Васильевич Глинской, да Данила Романович Юрьев... В передовом полку были бояре и воеводы Иван Васильевич Шереметев Большой да Алексей Данилович Басманов».

Как видно из разрядной книги, татар не допускали в большой полк, но во всех других местах войска они преобладали, правда, в сопровождении бояр русского происхождения. Вот еще свидетельства из разрядной книги о начале Ливонской войны: «Да в передовом же полку царевич Тахтамыш, пристав Дмитрий Григорьев сын Плещеев. Да в передовом же полку черкасы, князь Иван Амашик з братиею, а пристав у них Федор Вокшерин» [10, с. 170]. Другие назначения татарских царевичей и мурз: «Того же лета послал царь и великий князь на ливонские немцы зимою царя Шигoleyа Шигелеяровича да царевича крымского Тахтамыша, да астраханского царевича Кайбулу Ахтубекова сына; а с царем Шигoleyем бояр и воевод князя Ивана Васильевича Глинскова и иных бояр и воевод, и были в Ливонской земле по полком: в большом полку царь Шигoleyа, бояре и воеводы, князь Михайло Васильевич Глинской, да Данила Романович Юрьев... В передовом полку были бояре и воеводы Иван Васильевич Шереметев Большой да Алексей Данилович Басманов. Да в передовом же полку царевич Тахтамыш, пристав Дмитрий Григорьев сын Плещеев. Да в передовом же полку черкасы, князь Иван Амашик з братиею, а

пристав у них Федор Вокшерин» [10, с. 170]. Интересно, что в то время, когда царь возвышал татарскую знать, возвышались и представители из родов боярских. Это М.П. Репнин, В. Сабуров, П.П. Заболоцкий, Д.Ф. Пушкин [10, с. 174].

Во время царствования Ивана IV местническая структура несколько изменилась. Если в 1557 г. иерархия по полкам была следующей: 1. Мстиславский, Палецкий; 2. Кашин-Оболенский; а после отмены опричнины: 1. Саин Булат Бекбулатович, с ним Мстиславский; 2. Плещеев; 3. Сицкой; 4. Репнин [10, с. 240]. При этом царь вводит в свое ближайшее окружение представителей из обрусевших татар. После опричнины стольником у царя упоминается Петр Ерусланович Урусов [10, с. 274].

Перемешивание знати выражается в том, что русскую знать посылают служить в Казань воеводами, это было своеобразной повинностью, которую, судя по разрядным записям, несла вся русская знать по очереди. Периодически Шуйские, Воротынские, Нохтевы и прочие «годуют» в Свияжском и в Казани [10, с. 172]. Служилые татары наряду с русскими боярами начинают получать привилегии и награды за свою службу. За поход казаков и татар против Крыма: «и царь и государь мырзы Тагибердя з братом и атаманов пожаловал, велел им своим жалованьем за их службу» [11, с. 323].

Очевидно, что популярность пришедшей знати у царя была велика, так как Иван IV взял в жены дочь черкасского князя, породнившись с ним [11, с. 344]. Этим царь ставил инородную знать в местничестве на довольно высокий уровень. Всё это вызывало явное неудовольствие русской знати и боярства. А. Курбский в переписке с Грозным пишет: «Знаю я из Священного Писания, что дьяволом послан на род христианский губитель, в прелюбодеянии зачатый богоборец антихрист и ныне вижу советника твоего всем известного, от прелюбодеяния рожденного... и погубил столько сильных во Израиле, сто по делам своим он и есть антихрист. Не должно у тебя, царь быть таким советником. В законе Божьем в первом написано: Моавитянин и аммонитянин и незаконнорожденный до десятого колена в церковь Божью не входят...» [1, с. 121]. Он явно намекает на чуждость этих людей сложившемуся русскому местническому порядку.

Из-за изменения местнической структуры корпорации русской знати и, возможно, вхождения в неё татарских царевичей ужесточаются условия службы именитых родов, например Мстиславских.

Опричнина сыграла значительную роль во вхождении в высшую ступень государственной власти татар. В летописи, например, помимо известного царя Симеона Казанского упоминается, например, А. Шефетдинов – дворовый дьяк после опричнины.

Татарская знать периодически, судя по разрядным записям, появляется в составе воевод царского войска в Ливонии. Это объясняется не только очевидным выводом, что московское боярство стремилось отослать конкурентов на самую трудную службу, но и тем, что в составе войска упоминаются «служилые татары», командовать которыми было удобнее татарским военачальникам [10, с. 193]. Разрядная книга сообщает, например, что в Великих Луках в 1560 г. был царевич Ибак, А.И. Нохтев и другие, а также Роман Плещеев с «ногайскими татарами» [10, с. 204].

В собственно покоренных землях было неспокойно, местное (нерусское) население не хотело покоряться московскому царю и стать жертвой произвола его наместников. Периодически (как в 1573 г.) посылаются войска для подавления бунтов в Казани [10, с. 247].

С началом военных операций Ивана IV против Казанского ханства количество татарской знати на службе у московского царя возросло. В окружении царя появляется Симеон Казанский. В разрядной книге он так и упоминается в 1553 г.: «А с царем и великим князем царь Симеон Казанской» [10, с. 140]. При дворе воеводой появляется царевич Кайбула, его включают в местническую систему и он становится наместником: «А царевичу Кайбуле велел бытии в Тарусе» [10, с. 156].

Симеон Бекбулатович возвышается при Иване Грозном «А в войну под немецкие города послал царь и великий князь царя Саинбулата Бекбулатовича и бояр своих и воевод» [10, с. 249].

В 1575 г. Симеон Бекбулатович уже во главе войска в Новгороде [10, с. 258], он занимает место воеводы большого полка: «В большом полку князь великий Симеон Бекбулатович Тверской» [10, с. 277]. Он, будучи главой войска, постоянно пишет Ивану IV [10, с. 307]. Это свидетельствует о том, что он занял такой высокий пост только благодаря возможности тотального контроля со стороны царя.

Остальная пришедшая знать, несмотря на отмену опричнины, остается на государственной службе и занимает места воевод. В 1585 г. упоминается береговой воевода Борис Кайнбулатович Черкасский [10, с. 351].

Смешивая представителей всех этносов, населявших обширное Московское царство, Иван Грозный создавал основу его прочности. В отличие от колониальных империй XIX в. в России представители подавляющего числа национальностей имели доступ к управлению. Поэтому российская политическая элита с самого образования государства имела многонациональный характер. Это в будущем облегчило создание прочной империи, включившей в себя помимо исконно славянских территорий земли населенные тюркским населением, а также Сибирь.

Литература

1. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. – М., 1981.
2. Полное собрание русских летописей. – М., 1966. – Т. 12.
3. История татарского народа и Татарстана в федеральных учебниках. – Казань, 2001.
4. Трепалов В.В. Тюркская знать в средневековой России // Элита и этнос Средневековья : сб. ст. / отв. ред. А.А. Сванидзе. – М., 1995.
5. Полное собрание русских летописей. – М., 1994. – Т. 39.
6. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаиею и Турциею. Т. II: 1508–1521 гг. / под ред. Г.Ф. Карпова и Г.Ф. Штендмана. – СПб., 1895. – №2.
7. Полное собрание русских летописей. – М., 2000. – Т. 19.
8. Горский А.А. Москва и Орда. – М., 2000.
9. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. – М., 1978.
10. Разрядная книга 1475–1597 гг. – М., 1966.
11. Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т. 13.
12. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. – М., 1963.